

ХРОНИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДАЛАЙ-ЛАМЫ XIV И ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КНР

В основе взаимоотношений между Его Святейшеством Далай-ламой XIV и китайским правительством лежит так называемый «тибетский вопрос», или проблема определения политического статуса Тибета в прошлом и настоящем. Согласно официальной точке зрения китайского правительства, «тибетского вопроса» не существует, а Тибет является неотъемлемой частью единой семьи народов Китая со времен династии Юань (1279-1368). Китайское правительство, таким образом, ставит точку в этом вопросе, а саму проблему представляет лишь как измышление сепаратистски настроенной тибетской диаспоры. Позиция тибетской стороны коротко состоит в следующем: Тибет на протяжении всей своей истории был де-факто независимым государством. Во времена династии Юань (1279-1368) (монголов) и Цин (1644-1911) (маньчжуров) между ламами-правителями Тибета, с одной стороны, и монгольскими ханами и маньчжурскими императорами, с другой, сложились уникальные отношения духовного наставника и светского покровителя (mchod-yon), которые полностью утратили свою значимость с падением династии Цин. Подчеркивается также, что данные отношения имели место между тибетцами и монголами/маньчжурами, и поэтому китайское правительство не вправе утверждать свою власть над Тибетом, основываясь на этих отношениях. После провозглашения Далай-ламой XIII независимости Тибета в 1912 г. и участия Тибета как равного представителя в тройственной (Китай, Англия, Тибет) конфе-

ренции в Симле 1913-1914 гг. и вплоть до 1951 г. Тибет был полностью независимым государством. Поэтому, с точки зрения правительства Далай-ламы XIV, введение войск народно-освободительной армии Китая в Тибет в 1951 г. является актом агрессии и незаконной оккупацией Тибета.

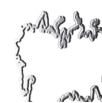
Как мы видим, налицо две диаметрально противоположные точки зрения, которые не находят ни единой точки соприкосновения и представляют собой две крайности видения тибетской проблемы. Третья сторона, т. е. исследователи истории и культуры Тибета, придерживается различных точек зрения, склоняясь, однако, в своем большинстве к точке зрения тибетского правительства.

С 1951 г. по 1978 г. в Тибете произошли следующие события: тибетское восстание 1951 г., бегство Далай-ламы со 100 тысячами беженцев в Индию, упразднение политических, экономических и идеологических институтов тибетского общества, разрушение буддийской церкви, Культурная революция. Партийное руководство КНР, признав ошибки Культурной революции и целиком отнеся их на счет «банды четырех», осталось при мнении, что сам курс в отношении нацменьшинств был правильным в целом. Очередной задачей партии стало, таким образом, исправление ошибок и дальнейшее претворение в жизнь правильной политики партии. Проследим динамику претворения в жизнь тибетской политики китайского правительства на примере его взаимоотношений с Его Святейшеством Далай-ламой.

Исторический пленум КПК 1978 г.

Буддийский мир Джамбудвипы
История отношений с Китаем

БР №. 38 - Буддизм России

стал эпохальным событием в судьбе народов всего Китая. КПК запретила ультра-левую линию в национальной политике с ее лозунгом «национальный вопрос – это в первую очередь классовый вопрос»¹, была возрождена политика Единого фронта, выпущены из тюрем политзаключенные, тибетским беженцам и Далай-ламе было предложено вернуться в Тибет.

В марте 1979 г. старший брат Далай-ламы Гьяло Тхондуп встретился с Дэн Сяопином. Дэн Сяопин сказал Гьяло Тхондупу, что если тибетцы не будут требовать независимости и отделения от Китая, то он готов обсудить все их претензии². Он также заверил Гьяло Тхондупа, что реформы – это отнюдь не временные меры, а долгосрочная политика партии. И если Далай-лама имеет какие-нибудь сомнения на этот счет, то он может послать в Тибет исследовательские делегации. Далай-лама, со своей стороны, был согласен с тем, что предложение Дэн Сяопина – приемлемая основа для начала переговоров.

В начале августа 1979 г. в Китай прибыла тибетская делегация из Дхарамсалы во главе с младшим братом Далай-ламы Лобсан Самтенем. Делегация побывала в Пекине, Амдо, Лхасе, Шигацзе, Сакья и Гьянцзе. Бурный прием, оказанный тибетской делегации во всех местах Тибета, обескуражил партийное руководство Тибета, которое искренне полагало, что любовь к партии и ненависть к крепостникам суть истинные чувства тибетцев. Прибыв в Пекин, делегация высказала правительству, что шокирована ужасающей нищетой тибетцев³. В результате, в апреле 1980 г. КПК созвала Первое совещание по работе в Тибете, на котором было решено отправить в Тибет исследовательскую делегацию высокого ранга во главе с генеральным

секретарем ЦК КПК Ху Яобаном. Делегация была вынуждена признать катастрофическое положение в Тибетском автономном районе, где, по признанию председателя Комитета по делам национальностей ВСНП Ян Цзинжэня, который был также членом делегации, 28% населения жило в «ужасающей нищете», 320000 «полностью зависели от государственной экстренной поддержки для выживания».⁴

Ху Яобан снял Жэнь Жуна с поста первого секретаря КПК в Тибете, вместо него был назначен Ин Фатан. По возвращении в Пекин Ху Яобан предложил радикальную программу реформ для ТАР, которая предполагала освобождение от налогов и бесплатного труда и дополнительных государственных квот на закуп в течение 3 лет; деколлективизацию сельскохозяйственной и скотоводческой продукции и последующую приватизацию земли и имущества; автономию в применении политики в Тибете на основании особых условий Тибета; использование национальных кадров в тибетской администрации, с тем чтобы на уездном уровне было не больше 2-3 ханьцев и не более 30% на высших уровнях. Ханьские кадры за исключением НОАК должны были быть сокращены на 85%, оставшиеся должны изучать тибетский язык. Кроме того, в целях развития многоукладной рыночной экономики была объявлена всеобщая либерализация экономической политики в Тибете, повышены субсидии; дан курс на возрождение тибетской культуры и религии, государственное финансирование реконструкции некоторых религиозных памятников и монастырей⁵.

Последствия либерализации не замедлили сказаться на все сферах жизни тибетского района. Однако

¹ «Is the National Question Essentially a Class Question?» Beijing Review, 25 August 1980, 17.

² Tsering Shakya. The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947. Columbia University Press, 1999. С. 376.

³ J. Avedon. In Exile from the Land of Snows. New York: Vintage Books, 1986. С. 338

⁴ Цит. по: Warren W. Smith, Jr. Tibetan Nation. A History of Tibetan Nationalism and Sino-Tibetan Relations. Westview Press, 1996. С. 568.

⁵ Jigme Ngapo. «Behind the Unrest in Tibet». С. 26; «New Changes on the Plateau» // Beijing Review, 25 May 1981. С. 21.

наиболее значительным событием в жизни тибетцев стало возрождение религиозной практики и восстановление монастырей. Единственным препятствием успеха реформ в Тибете продолжал оставаться Далай-лама, поскольку только он один мог оспаривать законность китайской власти в Тибете.

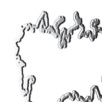
В конце 1980 г. в Тибет прибыли еще 2 делегации из Дхармасалы. Обеим делегациям был оказан аналогичный с первой прием, где в каждом месте следования делегацию ожидали толпы восторженных тибетцев. Китайское руководство было поставлено перед необходимостью выработать четкую политику по отношению к Далай-ламе, так как для него стало очевидным, что без решения проблемы Далай-ламы реформы в Тибете не могут стать до конца успешными. 28 июля 1981 г. на встрече Ху Яобана и старшего брата Гьяло Тхондупа Ху Яобан передал для Далай-ламы предложение правительства, содержащее 5 пунктов: 1) Далай-лама должен признать, что Китай вступил в период стабильности и экономических реформ. Если он сомневается в реформах, то тогда он может подождать несколько лет, для того чтобы убедиться в изменениях. 2) Далай-лама не должен поднимать вопрос о репрессиях, которые последовали после подавления восстания 1959 г. 3) Китайское правительство искренне приветствует возвращение Далай-ламы и его последователей на родину. Китай надеется, что Далай-лама внесет свой вклад в поддержание единства Китая и дружеских отношений между ханьской и тибетской национальностями. 4) Далай-ламе будет представлен тот же статус, который он имел до 1959 г. Он может быть назначен заместителем председателя ВСНП. Но необходимо, что-

бы он не жил в Тибете и не занимал никаких постов в Тибете, поскольку есть молодые тибетцы, которые этим занимаются и хорошо справляются со своими обязанностями. Он может посещать Тибет тогда, когда ему захочется. 5) При возвращении он может сделать заявления для прессы, соответствующим министром будут сделаны приготовления по его приему⁶.

Для Далай-ламы стало очевидным намерение китайского руководства свести тибетский вопрос только к вопросу личного статуса Далай-ламы и нежелание позволить ему политически активно участвовать в судьбе тибетского народа, для которого он был законным правителем до 1951 г. и духовным лидером по сей день. Такое положение вещей никак не устраивало тибетскую эмиграцию. Что касается китайского правительства, то для него, действительно, только Далай-лама как персона был единственной помехой в осуществлении тибетской политики. Далай-лама отверг предложение Пекина и в ответ выдвинул через делегацию 1982 г. (апрель) свои требования, которые заключались в объединении территорий, населенных тибетцами (Уй-Цзан, Кхам и Амдо), в единый политический и административный район и предоставлении Тибету статуса, предусмотренного для Тайваня⁷. Проблема объединения всех тибетских территорий – особенно актуальный вопрос для тибетских беженцев, поскольку среди них очень большое количество из Амдо (Цинхай) и Кхама (Сычуань, Юньнань), сам Далай-лама родом из Амдо. Объединение тибетских земель было целью и прежних тибетских правительств. Однако для Тибета эти территории были потеряны более века назад, и, что более чем очевидно, Китай никогда не

⁶ Цит. по: Tsering Shakya. *The Dragon in the Land of Snows: A History of Modern Tibet since 1947*. Columbia University Press, 1999.

⁷ Там же. С. 386.

согласился бы отдать обширные территории Цинхая, Сычуани и Юньнани с многочисленным китайским и китайско-мусульманским населением этих регионов. Предложение предоставить Тибету статус Тайваня был также отвергнут на основании того, что Тибет в отличие от Тайваня давно «освобожден», вследствие чего концепция «одна страна – две системы» неприемлема для Тибета. Обе стороны были крайне разочарованы в результатах диалога, который зашел в тупик в результате нежелания сторон идти на компромисс. Далай-лама и его окружение продолжали обвинять китайское руководство в нарушении прав человека и геноциде тибетского народа. Китайское правительство, со своей стороны, всерьез задумалось о том, имеет ли смысл продолжать диалог, и, памятуя о визитах тибетских делегаций, о том, чем может обернуться для Китая возможный, даже кратковременный, приезд Далай-ламы.

Между тем, реформы продолжали осуществляться с большим успехом, возрождая надежды тибетцев на улучшение жизни и возрождение религии и культуры. Разочарованное в результатах переговоров с Далай-ламой, китайское руководство сделало попытку добиться лояльности тибетцев за счет увеличения инвестиций в развитие Тибета. На Втором совещании по работе в Тибете в 1984 г. были одобрены 43 крупных строительных проекта, расширение политики открытых дверей, еще большие послабления в области религии и культуры. Центральное правительство, равно как и местное руководство района, было довольно результатами новой политики, что позволило им бескомпромиссно отвергнуть новые предложения тибетской стороны о создании в Тибете демилитаризованной зоны

со статусом, предусмотренным для Тайваня. В обстановке, когда 2 стороны категорически отказывались идти на соглашение, вопрос о визите в 1985 г. Далай-ламы в Тибет отпал сам собой. Известный тибетолог М. Г. Голдстейн писал по этому поводу следующее: «Дхарамсала оказалась в ужасной ситуации. Было очевидно, что Пекин не намерен позволять им править Тибетом по другой политической системе, не говоря уже о независимости, было также ясно, что Пекин проводит с некоторым успехом наихудший для них сценарий, по которому его новые экономические реформы в Тибете могут завоевать, если не сердца, то, по крайней мере, их желудки. Несравненно улучшилась материальная жизнь в Лхасе и районах, где были расформированы коммуны. Экономическая мощь и международный престиж Китая, тем временем, возросли, и главной целью политики США в Азии стало расширение стратегических связей с Китаем. И, таким образом, возникла настоящая опасность того, что роль эмиграции в тибетском вопросе может быть полностью сведена на нет»⁸. Позже в тибетских кругах эмиграции были также вынуждены признать, что тибетская администрация не была готова к переговорам и тем самым упустила реальный шанс достижения хоть какого-либо соглашения с центральными властями⁹.

Тем временем, восстановление буддийских монастырей и возобновление религиозной деятельности приняло непредвиденные и нежелательные для центрального руководства масштабы. Власти были также вынуждены признать, что прямым следствием повсеместного возрождения религии стало возрождение тибетского национализма. Интересное суждение высказал по этому поводу

⁸ Melvin C. Goldstein. Introduction to Buddhism in Contemporary Tibet, Religious Revival and Cultural Identity / Ed. By C. Goldstein and T. Kapstein. Berkeley, 1998. С. 13.

⁹ Tsering Shakya. Op. cit. С. 399.

известный тибетский ученый С. Кармай. По его мнению, концепция национальной идентичности была ясно осознаваема тибетцами в древности, в то время как с приходом буддизма, в особенности, с XI в. «тибетцы, погруженные в безмятежность буддийского сострадания, почти забыли, кто они есть, и где они находятся. Когда тибетский лама встречался с монгольским ханом или маньчжурским императором, только в самых редких случаях думал о том, чтобы выдвинуть первым делом национальные интересы». «Однако в последние 40 лет, - продолжает С. Кармай, - тибетский буддизм, который раньше был в противоречии с глубоким чувством национальности, сейчас идет по другому пути. С Далай-ламой как своим представителем и политикой ненасилия тибетский буддизм стал символом тибетской национальной идентичности»¹⁰.

Далай-лама и его администрация, видя безрезультатность диалога с Пекином, начали в 1986-87 гг. кампанию по интернационализации тибетского вопроса, с тем чтобы добиться, с одной стороны, международной поддержки, а, с другой, дать тибетцам надежду, что Далай-лама близок к тому, чтобы добиться поддержки Америки и Запада в разрешении тибетского вопроса, или, другими словами, «перевести внимание с их желудков к их этническим сердцам»¹¹. В 1985 г. 91 член Конгресса США подписались под обращением к китайскому президенту с предложением начать прямые переговоры с Далай-ламой. 18 июня 1987 г. Конгресс США принял резолюцию, в которой Тибет объявлялся оккупированной страной. В сентябре 1987 г. Далай-лама выступил в Конгрессе с речью, в которой заявил, что китайское правительство «вместо того,

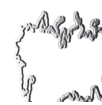
чтобы решать насущные вопросы, стоящие перед лицом 6-миллионного народа», свел тибетский вопрос к обсуждению его персонального статуса. Он также заявил, что был вынужден обратиться к международной ответственности из-за того, что китайцы отказываются вести с ним переговоры. Далее, он выдвинул предложение из 5 пунктов: превращение Тибета в зону мира, прекращение политики перемещения китайского населения в Тибет; соблюдение прав человека и демократических свобод; защита окружающей среды и прекращение производства в Тибете ядерного оружия и, наконец, начало переговоров о будущем статусе Тибета¹². Вскоре после выступления Далай-ламы в Конгрессе произошли демонстрации монахов в Лхасе, сразу же переросшие в крупномасштабные волнения. В течение 2 последующих лет произошло еще несколько крупных беспорядков. В июне 1988 г. Далай-лама был приглашен выступить в Европейском парламенте в Страсбурге с речью. Однако КНР заявила решительный протест, в итоге во время визита был только распространен документ, в котором Далай-лама высказал свои инициативы по разрешению тибетского вопроса.

23 сентября 1988 г. китайское посольство распространило правительственный ответ на Страсбургские инициативы Далай-ламы, в котором вновь высказывалось желание правительства вести переговоры, но только при условии полного отказа Далай-ламы от идеи независимости. 5 марта 1989 г. в Лхасе произошла самая большая со времен 1959 г. антикитайская демонстрация. 3 дня китайская полиция не могла справиться с демонстрантами, было множество убитых и раненых. Не желая повторения 10 марта 1959 г. (дата восстания 1959, которая

¹⁰ Samten G. Karmay. Mountain Cults and National Identity in Tibet // Resistance and Reform in Tibet. С. 113-114.

¹¹ Melvin C. Goldstein. Op.cit. С. 13-14.

¹² Tsering Shakya. Op. cit. С. 415.

отмечается тибетскими эмигрантами как День народного восстания), китайские власти объявили 8 марта военное положение в Тибете, которое продолжалось 13 месяцев.

Конец 1990-х гг. стал для китайского руководства самым трудным периодом с начала объявленных 10 лет назад и обещавших самые блистательные перспективы реформ. Кроме оппозиции со стороны тибетцев и уйгуров было также обернувшееся кровавой драмой выступление китайских студентов на площади Тяньаньмэнь. Имидж Китая на международной арене резко упал. Награждение в 1989 г. Далай-ламы Нобелевской премией мира стало свидетельством успеха кампании интернационализации тибетского вопроса и крушением политики либерализации. Китайское правительство ответило ужесточением политики по отношению к религии, культуре и языку, а основные силы сконцентрировало на скорейшей интеграции Тибета с остальным Китаем. Что касается международной поддержки тибетского вопроса, то, как справедливо заметил тибетский ученый Ц. Шакья: «Интерес Запада к Тибету не представляет серьезной угрозы для китайцев, поскольку они понимают, что у Западного блока нет стратегических и экономических интересов в Тибете. Вопрос может быть использован в качестве анти-китайского раздражителя, но, похоже, никогда не станет приоритетом политики Запада. Обе стороны, таким образом, осуществляют свою политику, зная, что тибетский вопрос – это всего лишь малый аспект их отношений, и продолжают использовать его в качестве средства дипломатического торга»¹³.

В июле 1994 г. состоялась Третье совещание по работе в Тибете, на ко-

тором было решено приложить еще большие усилия на развитие экономики Тибета, с тем чтобы добиться ежегодного 10 % роста экономики района. На инвестиции 62 крупных проектов было решено потратить 2,38 миллиарда юаней (приблизительно 270 миллионов долларов США).

Ухудшение отношений между китайским правительством и Далай-ламой достигло своего апогея в 1995 г. при утверждении кандидатуры нового Панчен-ламы. Для обеих сторон сделать так, чтобы последнее слово осталось за ними, стало делом принципа, который каждая сторона восприняла на этом этапе отношений как последний аргумент на утверждение собственного лидерства в решении судьбы тибетского народа. В результате, утвержденный Далай-ламой в качестве воплощения Панчен-ламы мальчик исчез вскоре после его признания в мае 1995 г., и по некоторым сведениям, впоследствии он был вывезен за границу. А в ноябре в обстановке большой секретности была проведена церемония в храме Джокхан, и другой мальчик был объявлен Панчен-ламой XI. В конце концов, Далай-лама был объявлен главным врагом Тибета и тибетского народа, читай: Китая, и на этом окончился еще один этап сино-тибетского диалога.

24 мая 1996 г. 6 съездом народных представителей ТАР был утвержден план 9 пятилетки (1996-2000 гг.) и программа развития Тибета в перспективе на 2010 г.¹⁴ Согласно этому документу, прошедшая 8 пятилетка показала самые высокие темпы развития экономики Тибета. Общая стоимость производства возросла к 1995 г. по сравнению с 1990 г. на 48.9%, что составило в среднем 8.3% прироста в год. Прирост за последний 1995 г. составил 10.6%. Большая часть плана

¹³ Tsering Shakya. Op. cit. С. 434.

¹⁴ Xizang zizhiqu guomin jingji he shehui fazhan jiuwu jihua he 2010 nian yuanjing mubiao gangyao // Zouxiang ershiyi shijide Xizang. Zhongguo zangxue chubanshe, 1997 // План 9 пятилетки (1996-2000 гг.) и программа развития Тибета в перспективе на 2010 г.

по 31 показателю была выполнена и перевыполнена. Было отмечено, что, благодаря политике «держать обеими руками» (liangshou zhua, liangshou dou yao ying), т. е. одной рукой контролировать реформы и экономическое строительство, другой – стабильность обстановки и борьбу против раскола), был разбит заговор Далай-ламы и успешно интронизирован Панчен-лама XI. В числе проблем были отмечены низкий уровень развития экономики, большой разрыв с экономикой внутренних районов, деятельность Далай-ламы. Главной задачей объявлялись развитие экономики и стабилизация обстановки, 10% рост национального производства в год, 10 млрд. 800 млн. юаней инвестиций и т.д.

Очевидно, что правительство поставило своей целью во что бы то ни стало развить Тибет экономически в целях скорейшей интеграции Тибета внутри КНР и уменьшения социальной напряженности. Однако ведущие китайские экономисты и социологи поставили под сомнение широко разрекламированные успехи экономического и социального развития Тибета. Увеличение сельскохозяйственного и промышленного производства, доходов населения и объема торговли было достигнуто не за счет развития экономики района, а целиком основано на централизованных дотациях, составлявших примерно 1 млрд. юаней в год¹⁵. Промышленные, торговые и продовольственные отрасли Тибета убыточны. Доходы автономного правительства на 100% обеспечиваются центром. «Религиозная экономика» (кит.: zongjiao jingji) Тибета, по определению китайского экономиста Ма Сюя, превратилась в новых условиях в «зависимую экономику» (yilaixing jingji)¹⁶.

Тем не менее, на 4 совещании по работе в Тибете, состоявшемся в 2001 г., было решено еще больше увеличить инвестиции в строительство Тибета, повысить динамику осуществления политики льгот и продолжить увеличение координированной помощи. Было также решено построить 117 объектов за счет прямых государственных инвестиций в сумме 31 млрд. 200 млн. юаней; продлить на 10 лет координированную помощь Тибету, распространив ее на 29 уездов; в течение 2 лет организовать строительство 70 объектов за счет инвестиций со стороны провинций, районов и городов¹⁷.

Китайское правительство в своей политике по отношению к Тибету определило двуединую цель – развитие экономики и поддержание стабильности общества (liangshou zhua). Разрешение национального и религиозного вопросов можно отнести ко второй составляющей, наиболее болезненной в условиях Тибета и весьма трудноразрешимой. Однако партийные и правительственные документы, равно как и многочисленные работы в так называемой идеологической сфере¹⁸, говорят в основном об успехах национальной и религиозной работы в Тибете, все проблемы сведя к деятельности Далай-ламы. Эти источники помимо констатации фактов реставрации монастырей, возобновлении политики свободы вероисповедания и возрождения религиозной деятельности ничего не сообщают о том, в чем конкретно заключается возрождение религиозной деятельности, каково положение монастырей в современных условиях, каково соотношение лояльных и инакомыслящих монахов и т. д.

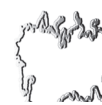
А ведь возрождение религии, ставшее возможным после 3 пленума, включало в себя помимо возобнов-

¹⁵ Ma Xu. Xizangde jingji xingtai ji qi bianqian // Xizang shehui fazhan yanjiu. Beijing, 1997. С. 42 // Ма Сюй. Экономическая ситуация в Тибете и ее динамика // Изучение социального развития Тибета. Пекин, 1997.

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ Zhongyang zhaokaide sici Xizang gongzuo zuotanhui. Xinhua she, 12.07.2001 // Открытие 4 совещания ЦК по работе в Тибете. Агентство Синьхуа, 12.07.2001 <http://www.xinhua.org>.

¹⁸ Xizang renquan yanjiu. Zhongguo zangxue chubanshe, 1999 // Изучение прав человека в Тибете. Издательство китайской тибетологии, 1999 Toushi Dalai. Xizangshehui jinbu yu fenlie jituande sheluo. Xizangrenmin chubanshe, 1997. Liang se // Исследование Далай-ламы. Прогресс тибетского общества и отмирающая сепаратистская группировка. Народное издательство Тибета., 1997 и др.

ления индивидуальной практики и возобновление деятельности монастырей. Правительство, памятуя о роли монастырей в антикитайском движении, сознавало, что возрождение монастырской системы чревато проблемами национального сепаратизма и религиозного экстремизма, и поэтому пыталось с помощью законодательства и административных мер ограничить возрождение монастырской системы и осуществить над ней максимальный контроль. Монастыри, лишившиеся после 1959 г. политической и экономической основы своего существования, должны были, согласно конституции 1982 г. и постановлению о мерах по управлению местами религиозной деятельности от 1994 г., воздерживаться от любой благоприятствующей сепаратизму деятельности, быть полностью свободными от иностранного вмешательства, не вмешиваться в систему образования и т.д. В области монастырского управления была применена система демократического правления, а в области экономики осуществлена система самообеспечения монастыря (yisi yangsi).

Некоторую информацию об экономическом положении монастырей можно найти в сборнике Пекинского университета в статье Га Дава Церена «Некоторые размышления по поводу экономической ситуации в тибетских монастырях»¹⁹. Согласно статье, действующие монастыри можно подразделить на 3 категории. К первой категории следует отнести небольшие монастыри, расположенные в захолустье и не имеющие престижа в традиционном обществе. Существование этих монастырей и жизнь монахов или монахинь целиком зависят от скудных пожертвований и помощи их семей. Ни о каком самообеспечении

этих монастырей не может быть и речи. В качестве примера приводится женский монастырь Юнсэ (Yongse nigumiao). Ко второй категории относятся известные и сравнительно богатые монастыри, расположенные в центре. Жизнь монахов в этих монастырях, благодаря пожертвованиям населения, относительно благополучна, однако, в силу традиционных представлений, укоренившихся в сознании их руководства, которое не может использовать возможности хозяйственной деятельности, доходы этих монастырей не высоки. Можно сказать, что эти монастыри обеспечивают себя только наполовину. В качестве примера приводятся такие монастыри, как Гэлукпинский монастырь Чубусы (Chubusi) и монастырь Дригун (Zhigongsi) одноименной школы. К третьей категории относятся большие и знаменитые монастыри, такие как: Дрепун, Сэра, Гандэн, Ташилунпо и др. В этих монастырях благодаря их историческому влиянию и объективным преимуществам было развернуто многоотраслевое хозяйство, в основном осуществлено самообеспечение, доходы увеличены, жизнь монахов улучшена. По статистике, доход монастыря Сэра в 1992 г. был приблизительно 860000 юаней (пр. 107500 долларов), из которых 46% составили пожертвования. Остальной доход был получен за счет типографии, транспортных перевозок, скотоводства, продажи билетов и фото-услуг, шитья и др. Доход распределялся по труду. В группах обучающихся доход каждого монаха составил от 700 до 1400 юаней, доход выполняющих различные службы монахов - от 3246 до 3520, членов комитета управления монастыря, а также старших монахов, настоятеля и др. - 1800. Лозунг «Действовать, сообразуясь с условиями монастыря» (yinsi yindi zhiyi), т.е.

¹⁹ Ga Dawa Cairen. Xizang simiao jingji xianzhuangde yidian sixiang // Xizang shehui fazhan yanjiu. С. 345-352 // Га Дава Церен. Некоторые размышления по поводу экономической ситуации в тибетских монастырях // Изучение социального развития Тибета. С. 342-252.

приумножать монастырский доход посредством различной хозяйственной деятельности, - стал основным принципом самообеспечения монастырей в настоящее время.

Согласно исследованиям М. Голдстейна в монастыре Дрепун, в 1992 г. доходы от хозяйственной деятельности (скотоводство, магазин, ресторан, строительные работы, входная плата и т. д.) составили 402 тыс. юаней, пожертвований и религиозных учений, проводимых ламой Ген Ламримом, - 425 тыс. В среднем на одного монаха получилось по 150 юаней, сравнительно неплохой доход для ТАР²⁰. Однако следует учитывать, что такой доход имеют монахи, принадлежащие к категории наиболее известных и влиятельных монастырей. Ситуация с бедными монастырями должна быть совершенно иной.

Наряду с экономическим выживанием перед монастырскими властями встала не менее важная проблема религиозного образования. В 1959 г. и после в Индию и другие страны с потоком беженцев бежало и около 5-6 тыс. монахов²¹. В их числе было большое количество высокопоставленных лам, тулку и высокообразованных монахов, составивших цвет буддийской учености Тибета, благодаря которым система тибетского монастырского образования сохранилась и продолжает развиваться за пределами Тибета. Из оставшихся монахов участвовавшие в восстании, опять-таки верхушка монашеской аристократии, были репрессированы, а большая часть ушла из монастырей, что привело к ситуации, когда к 1976 г. осталось всего 8 действующих монастырей и 800 монахов. Перед монастырским руководством очень серьезно встал, таким образом, вопрос сохранения традиционного монастырского образования. В ста-

ром обществе монахи составляли 10-15% населения Тибета. Согласно М. Голдстейну, в самом большом монастыре Тибета Дрепуне всего 10% из 10 тыс. монахов обучались по полной теологической программе, включавшей 15 предметов и требовавшей около 20 лет на ее завершение и защиту докторской степени геше²². Подавляющее же большинство знало не более пары книг или было совсем безграмотным. В новых обстоятельствах монастырь не мог позволить себе обеспечивать такое количество монахов, и потому было решено сделать упор на качество. Однако сделать это при существующих ограничениях и необходимости самим обеспечивать средства для существования было очень трудно. В 1993 г. из 437 монахов Дрепуна 137 обучались по полной программе. Ученые монахи (бхикшу) не принимали участия в хозяйственной деятельности, и поэтому не имели дохода. Монастырь должен был обеспечить их стипендией, которая позволила бы им заниматься полный день. В результате было решено платить монахам-бхикшу по 4.75 юаней за день посещения рощи диспутов, что приблизительно равнялось 91-104 юаням в месяц. В конце 50-х гг. всего 2-3 монаха в год получали стипендию геше, и эта ситуация признавалась руководством монастыря крайне неудовлетворительной. За весь социалистический период монастырь не выпустил ни одного геше, 10-15 предполагаемых кандидатов все еще нескоро завершат свое образование. А поскольку политический конфликт не позволяет контакты с монастырем Дрепун в Индии, старые монахи боятсья, что новое поколение не будет готово взять в свои руки образование в Дрепуне, когда уйдут последние из старых монахов²³.

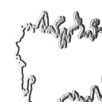
Мне удалось найти только два сообщения в китайской прессе о защите

²⁰ M.G. Goldsten. The Revival of Monastic Life in Drepung Monastery // Buddhism in Contemporary Tibet. Religious Revival and Cultural Identity. Berkeley, 1998. С. 35-39.

²¹ N. Grunfeld. The Making of Modern Tibet. NY: M.E. Sharpe, 1987. С. 187.

²² M. Goldstein. Op. cit. С. 21.

²³ Там же. С. 45.

степени геше в современный период²⁴. Оба касаются Еше Ванчу, 1928 г., уроженца тибетского автономного уезда провинции Юньнань. С 8 лет он был отдан в монахи, с 15 лет обучался в Лхасе в монастыре Сэра. После 1959 г. ушел из монахов. С 1977 г. работал в Комитете по охране памятников культуры ТАР, был кадровым работником, членом правления Тибетского отделения Китайской буддийской ассоциации. В 1986 г. во время возобновленного после 30 лет запрета религиозного праздника Монлам получил степень геше-лхамбы. Сейчас является редактором журнала «Тибетский буддизм». Скучные сообщения о восстановлении традиционной системы монастырского образования позволяют судить о больших трудностях восстановительного периода. Некоторые из старого поколения ученых монахов, вынужденных покинуть после 1959 г. свои монастыри и испытавших все перипетии Культурной революции, возвратились обратно и воспитывают новое поколение монахов-бхикшу. Некоторые остались в «миру» и, несмотря на то что их осталось уже совсем немного, составляют ядро тибетской интеллигенции, работающих в сфере науки и образования и восстанавливающей культуру своего народа. Государство старается всемерно поддерживать это поколение. Почти каждый из числа оставшихся в Тибете пожилых людей, имевших положение при правительстве Далай-ламы, аристократического рода или из бывших чиновников-монахов, занимают почетные, как правило, номинальные должности в государственных структурах разных уровней или буддийских организаций, получают солидную материальную помощь от правительства. Их относят к так называемой патриотической интеллигенции из поколения ста-

рого Тибета. Среднее же поколение не смогло получить традиционного образования, а молодое еще не выросло. Государство не разрешает монастырям поддерживать отношения с созданными тибетской диаспорой монастырями в Индии, где продолжается традиция тибетского образования. И поэтому, если в скором времени в Тибете не появятся собственные ученые монахи, опасения старых монахов из монастыря Дрепун вполне могут сбыться. В конце 80-х гг. ситуация усугубилась еще и тем, что в волнениях участвовали самые перспективные и одаренные из числа молодых монахов, претендующих на получение ученых степеней. Из-за участия в политических беспорядках некоторые из них получили наказания, а некоторые покинули страну. Проблема политического инакомыслия, роста национализма и национального сепаратизма также тесным образом связана с возрождением религии. По официальным данным, в политических беспорядках последних лет были замешаны монахи 20 монастырей²⁵.

Авторитет Далай-ламы в самом Тибете, равно как и за его пределами, очень высок, и по-прежнему надежды тибетцев, для которых Далай-лама – высший авторитет во всем, на самоопределение, возрождение своей религии и культуры связываются с личностью Далай-ламы. Но он лишен в противоположность китайцам возможности оказывать влияние на повседневную жизнь тибетцев, и время не на стороне Далай-ламы. Прагматически настроенные тибетцы понимают, что у них мало шансов борьбы на равных с «Китаем-Драконом», и что жизнь 6 миллионов тибетцев не может быть использована как разменная карта в политической борьбе, что диктует им необходи-

²⁴ Lamaism Flourishing in Tibet // Beijing Review, vol. 30, 1987. С. 25; Zhongguo Xizang, 1991, qiuji hao. С. 43.

²⁵ Xizang zongjiao yu shehui fazhan guanxi yanjiu. Xizang renmin chubanshe, 2001 // Изучение взаимоотношений между религиями Тибета и социальным развитием. Тибетское народное издательство, 2001. С. 173.

мость приспособиться к реальности, которая, учитывая успешность проведения реформ, не оставляет надежды на материальное, по крайней мере, улучшение жизни. Однако весьма значительная по оценкам аналитиков часть тибетского народа внутри Тибета, в основном это молодые монахи, готова пожертвовать всем ради обретения независимости, не говоря уже о безоговорочно поддерживающей Далай-ламу 100 тысячной тибетской диаспоре. Китайское правительство и китайский народ непоколебимо и, со своей стороны, искренне, уверены в том, что проводимая политика правительства несет благо тибетскому народу, а Далай-лама – главное препятствие на пути реформ. Проблема Тайваня – более болезненный для Китая вопрос. И как в вопросе Тайваня, так и в вопросе Тибета, а, следовательно, Синьцзяна и Внутренней Монголии, китайское руководство поставило целью воспрепятствовать всему, что может угрожать целостности китайского государства.

Многообразны, однако, пути развития общества. Новый раунд переговоров был возобновлен в сентябре 2002 г., когда Китай посетило представительство Далай-ламы во главе с Лоди Гьяри²⁶. В интервью BBC от 4 февраля 2003 г. Его Святейшество сказал: «Я не добиваюсь отделения или независимости Тибета от Китайской Народной Республики. Все, что я хочу, – это истинное самоуправление Тибета внутри Китая. Это и есть мой подход «срединного пути»²⁷. 25 мая 2003 г. в Китай прибыла вторая делегация от Его Святейшества²⁸. И хотя предмет переговоров не разглашается, бесспорно, что переговорам был предан новый импульс. Думается, что при сохранении новым руководством Китая курса либерализации по-

прежнему сохраняется надежда на мирное разрешение тибетской проблемы, которое потребует от обеих сторон очень большого компромисса. Очевидно, однако, что решение тибетского вопроса будет происходить в пределах единого китайского государства.

²⁶ TIN (Tibet Information Network) News, 13 September 2002. Lodi Gyari's visit to China: a significant development.

²⁷ BBC Chinese Service, 4 February 2003. His Holiness optimistic on settlement with China over Tibet.

²⁸ TIN News, 27 May 2003. «Dialog» or «negotiation»? – The second round of Sino-Tibetan contact begins.

